

И. С. Тургеневъ († 1883 г.)
Воспоминанія о Т. Г. Шевченко.*

Милостивый Государь!

Намѣреваясь издать полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченко, Вы желаете, чтобы я сообщилъ Вамъ нѣсколько подробностей о немъ. Съ охотой исполняю Ваше желаніе, хотя долженъ предувѣдумить Васъ, что я познакомился съ народнымъ поэтомъ Малороссіи незадолго до его кончины и встрѣчался съ нимъ довольно рѣдко.

Первое наше свиданіе произошло въ Академіи Художествъ, вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ, зимою, въ студіи одного живописца, у котораго Тарасъ Григорьевичъ намѣревался поселиться. Я пріѣхалъ въ Академію вмѣстѣ съ Марьей Александровной Маркевичъ (Марко-Вовчокъ), которая незадолго передъ тѣмъ тоже переселилась въ нашу сѣверную столицу и служила украшеніемъ и средоточіемъ небольшой группы Малороссовъ, съютившейся тогда въ Петербургѣ и восторгавшейся ея произведеніями: они привѣтствовали въ нихъ — также какъ и въ стихотвореніяхъ Шевченка — литературное возрожденіе своего врая. — Въ студіи художника, куда мы прибыли съ Г-жа Маркевичъ, уже находилась одна дама (тоже Малороссіянка по происхожденію), которая также желала увидѣть Тараса Григорьевича — Г-жа Кар-ская; въ ея домѣ, по вечерамъ, часто собиралась та группа, о которой я говорилъ; и Шевченко, познакомившись съ Г-жею Кар-ской, сталъ посѣщать ее чуть не каждый день. Мы прождали около часу. Наконецъ явился Тарасъ Григорьевичъ — и разумѣется, прежде чѣмъ кого-либо изъ насъ, привѣтствовалъ Г-жу Маркевичъ: онъ уже встрѣчался съ нею, былъ искренно къ ней привязанъ и высоко цѣнилъ ея талантъ. — Широкоплечій, приземистый, коренастый, Шевченко являлъ весь обликъ козака, съ замѣтными слѣдами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокій морщинистый лобъ, широкій такъ называемый «утиный» носъ, густые усы, закрывавшіе губы; небольшіе сѣрые глаза, взглядъ которыхъ, большей-частью угрюмый и недовѣрчивый, изрѣдка принималъ выраженіе ласковое, почти нѣжное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голосъ нѣсколько хриплый, выговоръ чисто-русскій, движенія спокойныя, походка степенная, фигура мѣшковатая и мало изящная. — Вотъ какими чертами запечатлѣлась у меня въ памяти эта замѣчательная личность. Съ высокой

* **Источникъ: Споминки про Шевченка И. С. Тургенева. // Т. Г. Шевченко. Кобзарь з додатком споминок про Шевченка писателів Тургенева і Полонського. — У Празі: Nákladem knihkupectví dra Grégra a Ferd. Dattla, 1876. — С. III-VIII.**

бараньей шапкой на головѣ, въ длинной темно-сѣрой чуйкѣ съ воротникомъ изъ черныхъ мерлушекъ, Шевченко глядѣлъ истымъ Малороссомъ, хохломъ; оставшіеся послѣ него портреты даютъ вообще вѣрное о немъ понятіе.

Намъ всѣмъ, тогдашнимъ литераторамъ, хорошо было извѣстно, какая злая судьба тяготѣла надъ этимъ человѣкомъ; талантъ его привлекалъ насъ своею оригинальностью и силой, хотя едва-ли кто-нибудь изъ насъ признавалъ за нимъ то громадное, чуть не міровое значеніе, которое, не обинуясь, придавали ему находившіеся въ Петербургѣ Малороссы; мы приняли его съ дружескимъ участіемъ, съ искреннимъ радушіемъ. Съ своей стороны онъ держалъ себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни съ кѣмъ не сблизился вполнѣ: все словно сторонкой пробирался. Онъ посѣтилъ меня нѣсколько разъ: но о своей изгнаннической жизни говорилъ мало; лишь по инымъ отрывочнымъ словамъ и восклицаніямъ можно было понять какъ солоно она пришлась ему и какія онъ перенесъ испытанія и невзгоды. Онъ мнѣ показалъ крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога, такъ какъ ему запрещено было заниматься писаніемъ; показалъ также свой дневникъ, веденный имъ на русскомъ языкѣ, что немало изумляло и даже нѣсколько огорчало его соотчичей; рассказалъ свои комическія отношенія съ двумя-тремя женами Киргизовъ, бродившихъ около мѣста его заключенія — и сознался въ вынесенномъ имъ оттуда пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ котораго онъ уже потомъ до самой смерти отвыкнуть не могъ.

Собственно поэтической элементъ въ немъ проявлялся рѣдко: Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленного и обтерпѣвшагося человѣка съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Юмора, «жарта» — въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе «Вечір» (Садок вишневий и. т. д.) — и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей: вся Южно-Русская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность.

Самолюбіе въ Шевченкѣ было очень сильное и очень наивное въ тоже время: безъ этого самолюбія, безъ вѣры въ свое призваніе онъ неизбѣжно погибъ бы въ своемъ закаспійскомъ изгнаніи; восторженное удивленіе соотчичей, окружавшихъ его въ Петербургѣ, усугубило въ немъ эту

увѣренность самородка поэта. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что несутя сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное — а именно: поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ Русскому и Малороссу; онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало. — Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину.

Читалъ Шевченко, я полагаю, очень мало, — (даже Гоголь былъ ему лишь поверхностно извѣстенъ), а зналъ еще меньше того... но убѣжденія, запавшія ему въ душу съ раннихъ лѣтъ, были непоколебимо крѣпки. При всемъ самолюбіи въ немъ была неподдѣльная скромность. Однажды, на мой вопросъ: какого автора мнѣ слѣдуетъ читать, чтобы поскорѣе выучиться Малороссійскому языку? онъ съ живостью отвѣчалъ: «Марко Вовчка! Онъ одинъ владѣетъ нашей рѣчью!» — Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбою, простолюдинъ, поэтъ и патріотъ. — У Г-жи Кар-ской находилась въ услуженіи дѣвушка Малороссіянка, по имени Лукерья; существо молодое, свѣжее, нѣсколько грубое, не слишкомъ красивое, но по своему привлекательное, съ чудесными бѣлокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ея племени. Шевченко влюбился въ эту Лукерью и рѣшилъ жениться на ней; Кар-скіе сначала диву дались, но кончили тѣмъ, что признали ее невѣстой поэта и даже начали дѣлать ей подарки и шить приданое; съ своей стороны Шевченко усердно готовился къ свадьбѣ, къ новой жизни... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху. Её, вѣроятно, запугали уже немалодыя лѣта Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а оцѣнить высокую честь быть супругою народнаго поэта она не была въ состояніи. Я нѣсколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолвки съ Лукерьей: онъ казался сильно раздраженнымъ.

Оканчивая этотъ небольшой очеркъ, я припоминаю еще одинъ фактъ изъ ссылочной жизни Шевченка, дѣлающій честь тогдашнему главному начальнику Оренбургскаго края, В. А. Перовскому. Шевченко, какъ извѣстно, былъ въ молодости довольно замѣчательнымъ пейзажистомъ; въ крѣпости ему было запрещено, не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой то черезъ-чуръ исполнительный генералъ, узнавъ, что Шевченко, несмотря на это запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ

промолвилъ: «Генераль, я на это ухо глухъ: потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, что Вы сказали!» — Генераль понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мнѣ также, что онъ, живя въ Академіи, занимался гравированіемъ на мѣди посредствомъ острой водки — о-фортъ — и воображалъ, что открылъ нѣчто новое, какой-то улучшенный способъ въ этомъ искусствѣ.

Вотъ все, что я имѣю сказать о немъ.

Я чувствую самъ, какъ малы и ничтожны эти свѣденія; но въ числѣ прочихъ и онѣ могутъ принести свою относительную пользу.

Примите и т. д.

Ив. Тургеневъ.

Буживаль (возль Парижа.) 31/19 Октября 1875 г.

